

татарского глагола. Целесообразнее было бы взять для сравнения чистую основу (или форму повелительного наклонения 2 л. ед. ч.).

Отдельные примеры Н. И. Исанбаева, иллюстрирующие достоверность критериев отграничения татаризмов, требуют уточнения, например, лексические единицы *лэм* 'ил', *лавра* 'грязь' Н. И. Исанбаев относит к татарским заимствованиям, хотя некоторые авторы считают их исконно марийскими и марийскими заимствованиями в татарском и башкирском языках.

Данную главу завершает раздел «К вопросу о марийских заимствованиях в татарском языке». Включение в третью

главу указанного раздела вполне оправдано, ибо, как отмечает автор, марийские заимствования в татарском языке пока не служили предметом специального исследования. К сожалению, автор значительно сократил соответствующий материал. Хотелось бы увидеть в этом разделе марийские заимствования в полном объеме.

Актуальность анализируемых в книге проблем по марийско-тюркским языковым контактам и использование большого фактического материала делает монографию Н. И. Исанбаева интересной для специалистов по марийскому языкознанию и тюркологии.

Л. Ш. АРСЛАНОВ (Елабуга),
Р. Г. АХМЕТЬЯНОВ (Казань)

<https://doi.org/10.3176/lu.1992.1.10>

В. А. Сорвачева, Л. М. Безносилова, Удорский диалект коми языка. Отв. редактор В. А. Ляшев, Москва, «Наука», 1990 (Академия наук СССР. Уральское отделение. Коми научный центр. Институт языка, литературы и истории). 283 с.

Пермская диалектология пополнилась монографией по одному из интереснейших коми-зырянских диалектов — удорском. С методологической точки зрения работа почти не отличается от аналогичных исследований: описательный план без исторических экскурсов и экспериментальных данных, минимальное привлечение сравнительного материала по другим коми диалектам. Фактологический материал для работы в течение нескольких лет собирала известная коми диалектолог Валентина Александровна Сорвачева (1923—1977 гг.); он оформлен в виде научного отчета «Удорский диалект коми языка», хранящегося ныне в архиве Коми научного центра Уральского отделения АН. В. А. Сорвачева, один из опытных специалистов в области коми диалектологии, многие годы отдавшая изучению диалектов коми языка, предполагала отойти от традиционных схем описания коми диалектов. Однако после ее скоростижной смерти большинство разделов отчета подверглись переработке и редактированию: монография была дополнена новыми разделами, объем словаря увеличен — в результате композиция книги получилась не

совсем сбалансированной, о чем подробнее будет сказано ниже.

Удорский диалект распространен по верхнему течению реки Мезени и по верхнему и среднему течению реки Вашки — левого притока Мезени. На юго-востоке его ареал граничит с ареалом нижневычегодского диалекта, с которым удорский имеет много общих черт; на северо-востоке примыкает к ареалам вымского и ижемского диалектов. Вместе с этими диалектами он входит в северо-западную группу диалектов коми языка. В археологическом плане территория описываемого диалекта изучена неплохо. Имеются и ранние исторические документы: летописные упоминания, жалованные грамоты, писцовые и переписные книги. Есть основания считать, что бассейны Вашки и Мезени (частично) издревле были заселены коми племенами, которые поддерживали тесную связь с Прикамьем.

В кратком введении (с. 3—12) содержатся сведения о заселении Удорского края, дается обзор источников по истории изучения удорцев и их языка, говорится о тесных контактах с прибалтийско-финскими племенами и русскими переселенца-

ми, о чем свидетельствуют соответствующие следы в говорах исследуемой территории.

В обзоре источников приведены практически все наиболее важные работы. На наш взгляд, из дореволюционных было бы уместно упомянуть также «Граматику зырянского языка» А. И. Попова (1843 г.), в которой привлекаются примеры из удорского диалекта.¹

В разделе «Фонетика» (с. 13—30) описан фонетический состав диалекта, аналогичный таковому коми литературного языка. Удорский диалект относится к вэловому типу: *ныв* 'девочка', но *нылыс* 'эта девочка'. В суффиксальных слогах перед мягкими согласными, а также в начале корневой морфемы после мягких согласных употребляются *и* и *э* вместе *ы* и *о* большинства других диалектов: *сывны*, ср. скр. *сывны* 'петь, спеть'; *помэл*, ср. скр. *поноль* 'еловая поросль'. В ряде слов, как исконных, так и заимствованных, произносятся твердое *ти* на месте *ч*, как и в лузско-летском и ижемском диалектах: *тишож*, ср. скр. *чож* 'в течение, в продолжение'. Имеет место выпадение *в*, *й* и *т* в начале и конце слога (слова): *ой*, ср. скр. *вой* 'ночь; север'; *итны*, ср. скр. *йитны* 'соединить'; *гōс*, ср. скр. *гōсѣт* 'гость'.

Отрицание *абу* 'нет' в удорском диалекте имеет две формы — *абу* и *аб* (*ап*). В некоторых удорских говорах наблюдается протеза согласного *г* в анлауте перед гласным: *Ганэй* параллельно с *Анэй*.

В разделе «Морфология» (с. 31—105) рассматриваются все части речи. Описание сопровождается многочисленными примерами, парадигмами склонений и спряжений. Отклонения от норм литературного языка объясняются фонетическими особенностями диалекта.

В удорском диалекте множественное число образуется при помощи суффиксов *-йэс* (в вашкинских и нижнемезенских говорах) и *-йōс* (в верхнемезенских говорах) (лит. *яс*): *мортйэс* или *мортйōс* 'люди', *муйэс* 'поля'.

Обстоятельно описаны значения и функции 16 падежей. Лишительный падеж (абессив) оформляется суффиксами *-тōг* и *-тōм*: *ватōг* и *ватōм* 'без воды'. Как и в ижемском, вымском и лузско-летском, в

рассматриваемом диалекте в качестве одного из показателей отделительного падежа (эгрессива) выступает дополнительный суффикс *-исэдэз* (*-ысōдэз*): *карысōдэз* 'из города', *катыдиисэдэз* 'с верховья течения'. Замечено употребление исходного падежа (элатива) в функции достигательного (конзекутива) при выражении причины действия: *Йур висōмыс ог рōбит* (ср. *йур висōмла*) 'Из-за головной боли не работаю'. Часто существительные в приблизительном падеже (аппроксимативе) употребляются в значении каузатива: *Шоглан'ыс нōшта висмас* (ср. *шогысла*) 'С горя еще больше заболает'.

Подробно изложено словообразование имен, выявлен ряд специфических словообразовательных суффиксов, например, *-ас*: *кокас* 'оспа'; *-ач*: *шул'гач* 'левша'; *ис*: *чушкис* 'оса'; *-ук*: *пэл'ук* 'рябина'; *-ыр*: *мегыр* 'дуга'; *-ыш*: *горыш* 'горло'. Таким же образом описаны словообразовательные модели прилагательного. Следует отметить, что в говорах широко бытуют прилагательные с суффиксом *-йōм*, обозначающим обладание чем-либо: *чорыд гōнйōм* 'с жесткой шерстью'.

В диалекте наблюдается употребление сравнительной степени прилагательных в необычном для других диалектов значении — для выражения интенсивности признака: *сōкыд сыхōд*, *ōтōрōсōджык морт* 'Тяжело с ним, весьма упрямый человек'. Высокая степень признака некоторых прилагательных выражается такими сочетаниями, как *бурис бур*, *бура бур* 'очень хороший', *л'окыс л'ок* 'очень плохой', а также удлинением ударного гласного и стоящего за ним согласного: *гыырыс* 'крупный-крупный'; *йэзджык* 'белый-белый'.

В образовании числительных заметных отличий от литературного языка нет. Порядковые числительные, преимущественно на верхней Мезени, иногда употребляются с суффиксом *-эй*, который придает слову ласкательный оттенок: *н'ол'ōдэй* 'четвертый' *квайтōдэй* 'шестой'. Собирательные числительные образуются от количественных посредством суффиксов *-лан*, *-нан*: *кык* 'два' — *кыклан* 'оба', *вит* 'пять' — *витнан* 'все пятеро'.

Удачно составлены таблицы склонения личных и усилительно-личных местоимений, из которых следует, что ряд падежных форм отличается от литературного языка. Бросается в глаза разнообразие

¹ А. Туркин, Грамматика зырянского языка А. И. Попова. — СФУ XV 1979, с. 48.

форм личного местоимения 3-го лица множественного числа: *сийэста, сийэза, сизста, сиззда, сийбста* (Вашка), *сийэс, сийбэда* (нижняя Мезень) и *найэста, найэс, нида* (Вашка), *найа, найэзда, наззда, нийэзда* (верхняя Мезень).

Раздел «Глагол» написан на богатом фактическом материале. Инфинитив имеет два варианта окончания *-ны (с)* и *-ыны (с)*. Причем *с*-овая форма инфинитива встречается только в вашкинских говорах, для мезенских она не характерна. Инфинитив также может принимать лично-притяжательные суффиксы, которые присоединяются как к формам на *-ны (с)*, так и на *-ыны(с)*. В удорском диалекте, как и в ижемском, лузско-летском, вымском деепричастия (кроме таковых на *-бмён, -мён, -са*) могут иметь притяжательные суффиксы: *Рббитигёнё мэ век сила* 'Когда я работаю, всегда пою'. Для некоторых говоров характерно причастие с суффиксом *-тис* в сочетании с послелогом *вот'ти, вот'т'и, вёйт'ти*, которые, очевидно, находятся на стадии лексикализации: *шон'гэй пэттис вот'ти* 'до восхода солнца'.

Удорские наречия по своему значению делятся на пять групп. Приведены наиболее распространенные суффиксы наречий, в том числе специфические: *-исэдз (-исбэдз), -истыр, истём (-ыстём), -истёг*.

Значительное место уделено послелогам. Заслуживают внимания конструкции с повторяющимся именем и послелогом *вылё*, подчеркивающим количество в высокой степени: *Дойд дойд вылё пэткёдисны куйбдсё* 'Сани за саями навоза вывозили на поля'. Диалект располагает специфическими частями *зо, зоо* 'в самом деле, и, конечно, же', *эттё* 'очевидно; по-видимому' и союзами *си, си, сик, сук, сы* 'если, коли' и др.

Ударение в удорском диалекте несколько отличается от ударения в других диалектах. Ударяемыми могут быть разные слоги — как первый (в двусложных словах), так и второй и третий (в многосложных).

Основную часть монографии занимает «Словарь» (с. 106—281). Он включает около 6000 слов и выражений, характерных только для удорского диалекта. При передаче звукового облика примеров использована принятая в коми языке транскрипция. Не все примеры паспортированы, что затрудняет выяснение их

распространения. Отрадно отметить, что кроме специфической лексики в словарь включены некоторые антропонимы и клички животных. «Словарь» свидетельствует о том, что лексика удорского диалекта сложилась и развивалась различными путями, однако основу ее все же составили собственные языковые средства.

В словаре не нашел отражения ряд слов, выявленных нами во время изучения удорского диалекта летом 1978 г.: *б'ийав'ича* 'головастик (в стоячей воде)', *буэыл'тан* 'скалка' (Ваш.), *дар'ур* 'головастик' (Георг.), *дзумл'алыс* 'валкий, неустойчивый (о лодке)', *жойна* 'безумный; глупый, дурак, сумасшедший, идиот' (Георг.), *йишт* 'часть, участок реки без песчаного откоса от одного изгиба до другого', *йувкны* 'болеть, стрелять, прокалывать (например, при болях в зубах, в сердце)', *кокчёрвон* 'подвязка для обуви (зимней обуви, состоящей из валеных головок и пришитых суконных или холщовых голенищ)' (Георг.), *көнйа* 'пешня' (Георг.), *кёрбыргэй* 'стрекоза' (Ваш.), *кбстиг* 'лямка сарафана' (Мез.), *мэшавка*

'смесь брусники с мукой' (Георг.), *нэдса* 'дерево, у которого вырублены сучья по стволу на 2—3 м, а наверху оставлена верхушка в виде шапки', *отала* 'поперек (что-то лежит, стоит)' (Ваш.), *оэын* 'старая, пр'шлогодняя нескошенная трава' (Георг.), *панпаз* 'клен' (Мез.), *паун* 'старая, прошлогодняя трава на большой территории', *пэл'са* 'большая кадка (емкостью до 15 ведер)', *сыкбля* 'вязкое, топкое место', *тавкис* — употребляется в отношении обессилевшего человека, сл'мленного тяжелым трудом, *тагыштыны* 'ударить (чем-то обо что-то)', *т'увгэй* 'птичка, самолетик (из бумаги)' (Георг.), *хабар!* — выражение восторга по поводу богатого урожая (относится только к картофелю и ягодам) (Георг.).

Если говорить о структуре монографии в целом, то из 283 страниц 175 занимает словарь и только 102 страницы выделено для «Введения», «Фонетики» и «Морфологии». В отличие от предыдущих монографий здесь отсутствуют «Список географических названий» и «Тексты». Топонимия — один из важнейших источников изучения истории народа и его языка. В последние годы в связи с индустриализацией края топонимы быстро исчезают.

В такой ситуации вряд ли следовало игнорировать этот своеобразный материал.

Что касается образцов текстов, то они способствуют лучшему пониманию исследуемого диалекта, дают возможность увидеть, так сказать, его лицо. Со своей стороны, укажем на некоторые источники, в которых представлены тексты на удорском диалекте: Образцы коми-зырянской речи. Под ред. Д. А. Тимушева, Сыктывкар, 1971, с. 235—272; *Dávid Fokos, Zürjén szövegek.* — *NyK XLIV 1915—17*, с. 277—320, 428—458; его же, *Zürjén szövegek*, Budapest 1917 (*Finnugor Füzetek* 19); *Syrjänische Volksdichtung. Gesammelt und herausgegeben von Yrjö Wichmann, Helsinki 1916* (*MSFOu XXXVIII*), с. 290—292; *Syrjänische Texte, Band III. Komi-syrjänische: Luza-Letka, Ober-Sysola-, Mittel-Sysola-, Prisyktyvkar,*

Unter-Výčegda- und Udora-Dialekte. Gesammelt von T. E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen, Helsinki 1989 (*MSFOu 202*), с. 311—401. В монографии приведена административная карта-схема Удорского района с указанием некоторых населенных пунктов. Логичнее было бы увидеть в исследовании карту распространения удорского диалекта с указанием всех говоров и граничащих с ним смежных диалектов.

В целом рецензируемая монография представляет собой интересное исследование, непосредственная ценность которого определяется, в первую очередь, введением в научный оборот собранного и систематизированного обширного материала по одному из малоисследованных диалектов коми языка.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллинн)

А. Н. Ракин, Коми анатомической словарь, Сыктывкар 1991. 160 с.

За период научного и практического изучения коми языка издано немало переводных, орфографических, диалектологических и других словарей, в которых отражен лексический запас, накопленный народом в течение многих веков. Однако словари, посвященные отраслевой лексике коми языка, очень редки, и потому выход в свет коми анатомического словаря, составленного старшим научным сотрудником Коми научного центра Уральского отделения АН России А. Н. Ракиным, представляет собой событие в коми филологической науке.

Практическая ценность рецензируемого словаря состоит в том, что в нем вводится в оборот исконная анатомическая лексика коми языка, которая в наш век тоталитарного билингвизма имеет тенденцию к замене русизмами: в спонтанной речи двуязычные коми употребляют вместо *вотшлы* — *ключица*, вместо *гурса лы* — *позвоночник*, вместо *йбэви* — *сустав* и т. д.

До последнего времени анатомическая лексика разрабатывалась довольно слабо. К этой тематике обращались Е. С. Гуляев в докладе на III Международном конгрессе финно-угроведов в Таллинне

«Об анатомической терминологии коми языка» (*CIFU III*, с. 541—543), а также А. Н. Ракин в докладе на VII Международном конгрессе финно-угроведов в Дебрецене «Сомонимическая лексика в пермских языках (диахронический анализ)» (*CIFU VII 3*, с. 185—190).

Рецензируемый словарь состоит из введения, основного корпуса и реестра русских, коми-пермяцких и удмуртских анатомических терминов.

Во введении дана краткая история коми лексикографии, где автор с благодарностью упоминает отечественных и зарубежных лексикографов П. И. Саввантова, Н. П. Попова, Г. С. Лыткина, М. А. Кастрена, А. А. Цембера и других, зафиксировавших в своих трудах словарное богатство коми. Во введении указаны также цели и задачи данного издания, объясняется структура словарной статьи. А. Н. Ракин подчеркивает, что анатомическая лексика является частью древнейшего пласта слов, восходящего к периоду уральского, финно-угорского и финно-пермского языкового родства.

Корпус словаря включает 760 словарных статей, где коми анатомический термин снабжен переводом на русский язык